

К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ПУБЛИЦИСТ И ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО

И. С. ПЕРЕСВЕТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ЗИМИНА

Монография А. А. Зими́на о российской публицистике середины XVI в. вызвала дискуссию в советской и мировой науке. Интерпретации жизни и сочинений И. С. Пересветова переустроили представления о зарождении публицистики в России и потребовали от дискутантов очертить свое понимание публицистики как таковой, ее места в общественной жизни прошлого и настоящего.

Ключевые слова: *публицистика, централизованное государство, реформы Избранной рады, И. С. Пересветов, советская историческая наука, А. А. Зимин.*

Монография А. А. Зими́на «И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века» (М.: Изд-во АН СССР, 1958, далее – «Пересветов и его современники»), защищенная в качестве докторской диссертации в 1959 г., сегодня застаёт нас врасплох своим непомерным охватом источников и остротой поставленных проблем¹. Эта книга и предшествующее ей издание «Сочинений И. Пересветова», подготовленное Зиминым и его коллегами², не были научной «бомбой» и не имели такого долгосрочного резонанса, как исследование о «Слове о полку Игореве» (далее – «Слово»). Однако по широте замысла и яркости научной мысли эти историографические явления вполне сопоставимы. Сегодня вошли в научное сознание исследователей российского XVI века гипотезы Александра Александровича, даже – и особенно – когда с ними споришь и находишь новые решения и интерпретации. Сопоставление со «Сло-

¹ *Каиштанов*. 2000. С. 8, 20–21; *Каиштанов, Чернобаев*. 2001. С. 806. Защита диссертации состоялась 28 мая 1959 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. Консультантом Зими́на выступил М. Н. Тихомиров. Официальными оппонентами на защите были доктор исторических наук Н. Н. Воронин, В. И. Шунков, Б. Б. Кафенгауз и доктор филологических наук академик АН УССР Н. К. Гудзий, неофициальными – С. А. Покровский, Ю. Ф. Сальников.

² Сочинения И. Пересветова. 1956. Зимину в издании принадлежат статья «И. С. Пересветов и его сочинения», «Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова», подготовка основного текста источника и одного приложения. Комментарий к сочинениям Пересветова составлен Я. С. Лурье. В издание вошли также статьи Д. С. Лихачева и Л. Н. Пушкарева и подготовленный М. Д. Каган текст «Повести о двух посольствах».

вом» невольно приходит на ум, когда заставляешь себя найти аналогию амбициозной общей задаче книги «Пересветов и его современники»³.

Личность Пересветова и его творчество интересовали А. А. Зими́на еще в 1940-х гг. В 1948 г. им был обнаружен в Отделе рукописей ГБЛ (ныне – НИОР РГБ) список сочинений Пересветова, который при детальном исследовании рукописной традиции был принят им как древнейший и лучший из известных⁴. Работа над списками заняла многие годы, в течение которых Зимин выступал с тезисами и статьями, намечавшими общие очертания большого исследования⁵, и увенчалась монографией 1958 г. и пособием к спецкурсу по истории русской публицистики конца XV–XVI в., изданным в 1959 г.⁶

Проделав огромную источниковедческую работу, историк показал, что реформам Ивана Грозного предшествовала и сопутствовала публичная борьба концепций общественно-политического развития. В условиях неразвитости печатного дела и узости возможностей для дискуссий все же сложилась публицистика. Этот сам по себе спорный термин в приложении к российской общественной инфраструктуре середины XVI в. обрел в исследовании Зими́на ту плотность и осязаемость, которой не имел ни в книгах И. У. Будовница, ни в работах дореволюционных историков культуры. Видимо, и для российской, и для советской историографии это был первый шаг к дискуссии о формировании «публичной сферы» в России до реформ Петра I⁷. Да, мы не можем знать, был ли проект Пересветова известен до 1630-х гг., обсуждались ли до конца XVI в. предложения и обличения Ермолая-Еразма, кремлевского протопопа Сильвестра и перебежчика А. М. Курбского так, как это происходило, скажем в полемике Н. И. Новикова с Екатериной II или, тем более, в публицистике эпохи реформ Александра II. Однако если мы равно ищем или не признаем аналогий между публицистическими баталиями нового и раннего нового времени, нам предстоит приложить усилия, чтобы инвентаризировать многосложные построения А. А. Зими́на.

Менее очевидной для исследователей русской культуры «большой посылкой» в его аргументации является идея о том, что реформы Из-

³ См. также: *Дубровский*. 2005. С. 711–718.

⁴ *Waugh*. 1985. P. 25; *Дубровский*. 2005. С. 704.

⁵ *Зимин*. 1955. Вып. 3. С. 311–324; *Зимин*. Т. 32. С. 455 (статья без подписи); *Бахрушин, Зимин*. 1955. С. 291–301 и др.

⁶ *Зимин*. 1959; *Каиштанов*. 2000. С. 17, 19–20.

⁷ Понятием «публицистика» применительно к сочинениям российских интеллектуалов середины XVI в. иногда пользовались историки общественной мысли, работавшие до 1917 г. и в эмиграции. Личность Пересветова был значима для российской либерально-демократической мысли: *Кизеветтер*. 1925. С. 279–288.

бранной рады реализуют на практике идеи, находящие отклик и воплощение в трудах публицистов XVI в. До диссертации А. А. Зимины этот тезис не был очевиден. Живым примером служит главный герой книги – И. С. Пересветов. Потребовалось вернуть ему идентичность дворянина на московской великокняжеской и царской службе, доказать его творческую активность в эпоху Избранной рады, чтобы восстановить единство его идей и замыслов Избранной рады. Эта идея следовала в русле концепции Д. И. Иловайского и П. Н. Милокова и вразрез построениям, связывающим концепцию Пересветова с террором Ивана Грозного. Кроме того, потребовалось показать, что Пересветов был не автором реформ, а лишь их творчески самостоятельным глашатаем. Отчасти даже проектером-утопистом, смотревшим дальше своего времени, в перспективу масштабного демократического переустройства России. Подобная исследовательская попытка предпринималась лишь в небольшом эссе А. А. Кизеветтера 1925 г. и была весьма далека от общепринятых интерпретаций советской историографии.

Этот ход мыслей был и остается одним решением из множества возможных. И не все выводы в этих вопросах принадлежат Зимину. Сегодня можно лишь подчеркнуть его исследовательскую честность и стремление учесть точки зрения предшественников, среди которых особенно значимы выводы Иловайского, Милокова и Кизеветтера, а также архимандрита Леонида, С. А. Белокурова, В. О. Ключевского, Ю. А. Яворского, С. Л. Авалиани, В. Филиппа, Д. Н. Егорова и, конечно, В. Ф. Ржиги, чье имя упоминается первым в книге Зимина.

Как представляется, до сих пор недооценены научные подтексты концепции об осуществлении в реформах Избранной рады программы, изложенной в Большой и Малой челобитных, а также в других сочинениях Пересветова. В историографии 1930–50-х гг. господствовавшим был тезис о противостоянии централизаторских усилий Ивана Грозного реакционной политике боярской и княжеской оппозиции. Собственно, вопрос заключался лишь в том, когда и насколько реакционными были враги централизации. Уже в работах С. В. Бахрушина был намечен отход от этой концепции – правда, в очень осторожной форме учитель Зимина говорил о прогрессивном характере Избранной рады в деле централизации и тождестве Избранной рады Ближней думе Ивана Грозного⁸. Если так, то следовало согласиться и с тезисом о том, что входившие в Избранную раду боярско-княжеские аристократы не были противниками централизации. А это уже означало, что период правления

⁸ *Waugh*. 1985. P. 7.

Избранной рады представлял альтернативу централизации эпохи опричнины. Незадолго до выхода дискуссионной монографии Зимина о Пересветове, на волне критики «культы личности», прошло обсуждение тезисов С. М. Дубровского, прошедшего через гонения против «школы» М. Н. Покровского, о преувеличении роли Ивана Грозного в советской историографии, а также о том, что централизация не была единственным закономерным путем развития Российского государства⁹.

А. А. Зимин ни тогда, в мае 1956 г., ни позднее не отрицал того, что в России конца XV–XVI в. формировалось централизованное государство, в целом, придерживаясь своей периодизации феодализма в СССР, сформулированной в дискуссии по статье К. В. Базилевича в 1949–50 гг.¹⁰ Об особенностях подхода Зимина в середине 1960-х – начале 1970-х гг. к росту государственного единства России XV–XVI вв. вспоминает С. М. Каштанов: «Ему была близка мысль В. И. Ленина о «живых следах прежней автономии» в России XVI в. Ученый полагал, что централизация в это время была еще далеко не завершена, и предлагал называть Русское государство конца XV–XVI в. не «централизованным», а «единым»¹¹. Пересмотреть с этих позиций свои монографии 1950-х – начала 1960-х гг. Зимин не успел, но уже и в самих этих работах был намечен особый взгляд на историю российской государственности¹². В частности, сохраняя лояльность «общей линии» на уровне деклараций, вместе с тем Зимин развил концепцию С. В. Бахрушина¹³, а в ее обоснование показал, что взгляды Пересветова выражали идеал централизации страны путем компромисса между различными слоями правящего класса, а не опричного террора. Пересветов, по его мнению, не был сторонником террора, а выражал идеалы, отчасти осуществленные Избранной радой. В противовес многочисленным авторитетным исследователям А. А. Зимин отходит от традиции Н. М. Карамзина в сближении взглядов Ивана Грозного эпохи опричнины и представлений Ивана Пересветова и доказывает, что «чаяния передовой части дворян-

⁹ Дубровский. 1956. С. 121–129; Шевяков. 1956. С. 71–77; Курмачева. 1956. С. 195–203. О преследовании Дубровского см.: Юрганов. 2011. С. 168–170, 178–179.

¹⁰ Зимин. 1950. С. 69–76. Подробнее о дискуссии см.: Юрганов. 2011. С. 575–672.

¹¹ Каштанов. 2000. С. 37, см. также с. 45–46.

¹² Кобрин. 1982. С. 256–269.

¹³ В «Храме науки» Зимин не скрывает своей приверженности идеям учителя: «Вывод С. В. Бахрушина о компромиссном характере деятельности Избранной рады сделался основой представлений большинства советских историков (разделял его и я)» (Александр Александрович Зимин. 2005. С. 38; см. также: Зимин. 1961. С. 117–127; Каштанов. 2000. С. 29, 48).

ства», и в их числе Пересветова, «обгоняли свое время и шли значительно дальше самых последовательных из реформ 50-х годов XVI в.»¹⁴.

Здесь необходима, конечно, оговорка. Зимин в то время открыто не выступал против концепции «прогрессивного войска опричнины» и доказывал в своей монографии «Опричнина Ивана Грозного», что именно с ее помощью царь расправился с остатками удельной раздробленности. Из этого не следовало, впрочем, что предшествующие усилия по объединению страны были обречены на неудачу. Рассуждения Пересветова о «царской грозе», санкциях за нежелание вельмож воевать «игрой смертной» за государя, а также реконструируемая в книге Зимина семантика понятий «вера» и «правда» подводили к иному выводу. Между радикальным клерикализмом иосифлян и умеренной реформаторской программой нестяжателей существовал средний путь, которым Российское государство успешно шло во главе с правительством компромисса, состоявшим из прогрессивных представителей аристократии и возглавивших их лидеров неаристократичного происхождения¹⁵. Правление Избранной рады А. А. Зимин подразделяет, впрочем, на два подпериода, видя в первом (1549–1552) наивысшее воплощение компромиссности правительственной политики, а во втором (1553–1560) начало наступления на боярскую аристократию, хотя еще и на компромиссной основе. Таким образом, исследователь стремился выстроить логику преемственности и перехода от Избранной рады к Опричнине и видел в последней закономерное продолжение предшествующей политики¹⁶.

С другой стороны, Зимин не был самоубийцей – полемической мишенью в его построениях были концепции «государственной школы». Дистанцироваться от концепций С. М. Соловьева, В. И. Сергеевича и В. О. Ключевского было важно как раз потому, что идея «правительства компромисса» могла у идеологически чутких читателей вызвать аналогию с критикуемой в советской историографии идеей бесклассового или надклассового государства. Было бы странно критиковать реформы Избранной рады за то, что они осуществляли на практике идеалы «государственной школы». Реформы первых лет царствования Ива-

¹⁴ Зимин. 1958. С. 354, 371, 375–376, 392. Цитата и подбор сходных мест в монографии Зимина по: Лурье. 1959. С. 450–453, здесь с. 450.

¹⁵ До Зимина В. Ф. Ржига, Б. А. Рыбаков, Б. Д. Греков и Л. В. Черепнин говорили о «прогрессивных» слоях боярства и прогрессивности нестяжателей применительно к Вассиану Патрикееву и Максиму Греку и ко всем сторонникам государственной централизации России первой половины XVI в. См.: Плигузов. 2002. С. 35.

¹⁶ Эта схема получила обоснование в монографии: Зимин. Реформы 1960. См. также: Шмидт. 1999. С. 91–102; Каишанов. 2000. С. 22–23; Хорошкевич. 2001. С. 8.

на IV несли на себе отпечаток социальной солидарности и классового компромисса: собор примирения, проекты создания единого служилого сословия, реформа военной службы, объединение церкви и государства, объединительные доктрины публицистов. В то же время этот выбор оппонентов, прикрытый «генеральной линией», парадоксальным образом совпадал с далекими от официозных формул личными предпочтениями Зими́на, убежденного в правильности славянофильского понимания русской истории и много читавшего религиозных философов начала XX в., близких к российскому и панславянскому почвенничеству и национальному мессианству¹⁷. Впрочем, по сути выдвигаемых построений Зими́н сближался с концепциями В. Ф. Ржиги, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, уходя от славянофильских доктрин в область сравнительно-исторического метода и философии истории рубежа XIX–XX вв. И это создавало интригу в развернувшейся дискуссии.

Опасная игра предстояла исследователю, попытавшемуся в корне пересмотреть представления историков о борьбе централизаторов в лице государства и поддерживающих их иосифлян с реакционерами в лице удельной, княжеской и боярской оппозиции и их сторонников в церкви – нестяжателей¹⁸. Одновременно с книгой А. А. Зими́на была опубликована монументальная работа И. И. Смирнова, в которой доказывалось, что у царя было множество тайных и открытых противников в его политике централизации¹⁹. В дискуссии с оппонентами автору «Пересветова и его современников» предстояло отстоять ряд частных позиций, из которых складывалась сложная мозаика его концепции.

Необычность идей Зими́на для советского научного истеблишмента была очевидна уже для первых рецензентов «Сочинений Пересветова». Прежде всего, ему сразу было поставлено на вид родство его концепции с построениями Ржиги – несмотря на то, что и в издании источников, и в монографии Зими́на они были представлены как объект критики и преодоления. Уже тогда же развернулась многолетняя дискуссия Я. С. Лурье и А. А. Зими́на с А. Л. Саккетти о соотношении ортодоксии и ереси в творчестве Пересветова. Саккетти упрекнул оппонентов в том, что они следуют концепции Ржиги 1908 г., доказывая еретичество Пересветова в словах «Бог не веру любит – правду», тогда как: «Тщетно искали бы мы в официальной церковной литературе положения о том,

¹⁷ *Каиштанов*. 2000. С. 14; *Дубровский*. 2005. С. 704–711; *Муравьев*. 2000. С. 169–170.

¹⁸ *Будовниц*. 1947. С. 128; *Саккетти*. 1948. С. 78–79.

¹⁹ *Смирнов*. 1958.

что христианский бог «любит веру», веру вообще как таковую без дальнейших ограничений, и предпочитает ее «правде». И понятно, почему: ведь единой веры нет, ибо на свете существует не одна, а много вер». Кроме того, в «Сказаниях о книгах» Пересветова обнаруживаются и слова о любви Бога к христианской вере, критика порабощения феодалов находит параллель в ст. 81 Судебника Ивана Грозного, максимальный семилетний срок плена заимствован из Ветхого завета, не расходится Пересветов с принятыми в его время прочтениями Библии и в ссылках на апокрифические источники²⁰. Чтобы объяснить обращение Пересветова к образу Магмет-салтана, Саккетти пришлось, в свою очередь, прибегнуть к гипотетичным построениям, призванным подтвердить заурядность образа мыслей книжника середины XVI в. Лурье отвел эту критику и остался при своем мнении о еретичестве Пересветова²¹.

Если рецензия Саккетти не вносила явных идеологических коннотаций в спор о Пересветове и сама была уязвима с точки зрения историографической идеологии²², то в развернутой заметке Ю. Ф. Сальникова, опубликованной в связке с рецензией Саккетти, упреки в адрес коллектива публикаторов «Сочинений Пересветова» звучали более тревожно. Им вменялось, что их мысли «находятся в явном противоречии с общей характеристикой Пересветова» и «продолжают линию модернизаторского истолкования идейной борьбы XVI века»²³. Успехом публикаторов признано то, что они признали в Пересветове выразителя интересов дворянства, но этого рецензенту недостаточно, и он отмечает ошибочное, с его точки зрения, представление Зимина о «перерастании» Пересветовым рамок дворянской ограниченности и слова Д. С. Лихачева об «идее ответственности» царя перед народом и всеобщей «идее ответственности» в публицистике XVI в. Полемические выпады подвели к выводу о том, что публикаторы скрытно принимают построения Ю. А. Яворского, В. Ф. Ржиги и И. В. Филиппа. Лихачева упрекают в том, что он развивает тезис о «народническом направлении» Пересветова и его современников, заявленный в первом издании книги Р. Ю. Виппера «Иван Грозный» (1922). И вновь главный удар направлен в тезис о еретическом, неформатном звучании идей Пересветова, а в выводах, как и

²⁰ Саккетти. 1957. С. 117–118. Автор остается при своих взглядах, высказанных в рецензии на книгу И. У. Будовница и в статье: Саккетти. 1951. С. 107–117.

²¹ Лурье. 1959. С. 451; Лурье. 1989. С. 180.

²² Критика «демократизма» Пересветова находила параллель с концепцией П. Н. Милокова, которая при этом была в равной степени далека от точки зрения В. Ф. Ржиги: Милоков. 1995. С. 70.

²³ Сальников. 1957. С. 121.

у Саккетти, говорится о том, что Пересветов – носитель традиционной религиозности и выразитель идеала дворянской монархии. Разоблачение не оставляет места идеям дворянско-буржуазной историографии и ее скрытым советским адептам в лице Зими́на, Лихачева и Лурье: «За «идею ответственности» ратовали представители княжеско-боярской оппозиции на Руси, но у них эта «идея» играла чисто демагогическую роль, прикрывая общими фразами их «самовластные» интересы»²⁴.

Дискутируя с издателями «Сочинений Пересветова», Сальников признает неверным выбор основного списка для издания, обнаруженного Зиминым. По мнению рецензента, текст списка ГБЛ Музейного собр. № 4469 «отличается от текстов других редакций сочинений Пересветова»²⁵. Высказанное здесь же предположение о том, что редактором текстов Пересветова в редакции Музейного сборника был князь Курбский до его побега за границу, носит сугубо предварительный характер. Так же голословно и заявление о вторичности «Полной редакции», оно не обосновано полновесным сравнением чтений и критериями их первичности²⁶. В целом, критические выпады Сальникова рассчитаны на моментальный подрыв системы аргументации публикаторов. Более того, приняв образ Пересветова в изложении Курбского, можно было свести все построение Зими́на и его коллег к взглядам не Пересветова, а Курбского, хотя неясно какого периода – до эмиграции в сочинениях Курбского нет полонизмов, если же полонизмы появились в эмиграции, то проект Пересветова терял бы связь с российскими реалиями. Создателям «Сочинений Пересветова» досталось крайне непростое дело – опровергать точку зрения, которую невозможно было доказать, но можно было принять, при желании. Даже если рассуждение Сальникова о «Пересветове» в редакции Курбского, запрятанное в примечание, было совершенно беспочвенным, оно указывало на вопиющий на общем фоне тезис Зими́на и его коллег о близости взглядов Курбского и Пересветова. «Ересь» в этом тезисе заключалась в том, что признанный идеолог централизации Пересветов выступал на одной доске с признанным идеологом реакционного боярства Курбским. При всей видимой незна-

²⁴ Там же. С. 123.

²⁵ Там же.

²⁶ Позднее (о чем будет сказано ниже) Зимин разобрал и опроверг предположения Сальникова. Выбор Музейного сборника признал верным в своей рецензии А. И. Клибанов, отметивший, что до публикации, подготовленной Зиминым, в науке был известен только текст сокращенного извода Неполной редакции, изданный Ржигой, а «общее количество известных исследователям списков едва достигало десяти, тогда как в издании учтено было свыше тридцати: *Клибанов. 1957. С. 204.*

чительности этой идеи, за ней открывались те самые перспективы централизации путем компромисса, о которых говорилось выше. Показательно, что А. А. Зимин, Я. С. Лурье и Д. С. Лихачев и позднее не будут признавать принципиальных расхождений между идеями Курбского и его современников в отношении к централизации страны, а также в концепции ответственности царя за свою страну и народ²⁷.

В рецензии на монографию Зимина Саккетти последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой реформационные движения повсеместно, в том числе и в России, препятствовали процессу централизации. В упрек автору поставлено, что он неточен в терминологии, называя Пересветова еретиком. Читатель остается в неведении, каким именно еретиком он был – протестантом в духе Матвея Башкина или социинианином в духе Феодосия Косого. Светское понимание «правды» Пересветова, предложенное германским историком Вернером Филиппом отвергается Саккетти на общих и текстовых основаниях. Турецкий законодательный аналог предложений Пересветова, «Канун-Намэ» султана Сулеймана Великолепного, утверждался шейх-уль-исламом или муфтием и сравнивался с Кораном. В сочинениях Пересветова «чисто светская» интерпретация «правды» невозможна, поскольку ее соединение с «верой» должно привести к тому, что с «нами» будут беседовать ангелы. Саккетти поддавливает Зимина на противоречии. С одной стороны, Зимин неблагоприятно отзываясь о работе В. Филиппа, с другой – следует его точке зрения. И вновь, как и в рецензии на «Сочинения Пересветова», звучит упрек в необоснованности концепции еретичества Пересветова. На сей раз упор сделан на том, что челобитчик, адресуя царю свои сочинения и зная, что в России за ересь предусматривались суровые наказания, нисколько не боялся, что его взгляды будут расценены как еретические, следовательно, он не мог высказывать ничего еретического. Это замечание, конечно, не вполне выдержано с точки зрения формальной логики и подкреплено фактической ошибкой: Саккетти отмечает, что Пересветову «было пожаловано поместье»²⁸. Не представляло труда парировать, что поместье было ему пожаловано задолго до написания челобитных, и к тому времени, когда они были поданы, их автор как раз уже свои земли потерял и разорился.

Рецензенты И. Б. Зильберман и Я. Мальярчик отметили двуединство успеха исследователя, опровергающего построения буржуазной исторической науки о «всякого рода иноземных влияниях» на российские

²⁷ *Ерусалимский*. 2009. Т. 1. С. 263–302.

²⁸ *Саккетти*. 1959. С. 205.

общественно-политические теории и в то же время признающего их родство с «западными теориями и течениями» того времени. Авторы рецензии присоединились к концепции Зимина о том, что гуманистическо-реформационная мысль в России развивалась по сходному пути с Западом, но менее резко и, в целом, независимо от европейских влияний²⁹. Впрочем, их полемические ремарки выдержаны в духе рецензий Саккетти и Сальникова на издание «Сочинений Пересветова»: «Конечно, А. А. Зимин прав, когда он отрицает тождество взглядов И. С. Пересветова и Грозного, признавая лишь сходство их воззрений, но ведь и у Пересветова нет идей, которые при всем присущем ему свободомыслию, независимо от церковной догмы, были бы преодолением феодального мировоззрения»³⁰. Подтекст здесь, в сущности, тот же: Зимин впадает в анахронизм и переоценивает оригинальность сочинений Пересветова.

Как бы в развитие осторожных подступов Сальникова Зильберман и Малярчик со ссылкой на «Ивана Грозного» И. И. Смирнова (1944) и «Русскую публицистику XVI в.» И. У. Будовница (1947) атакуют идейный союз Курбского и Пересветова у Зимина: «Курбский – это демагогический, псевдодемократический борец за свободу человека, который с ложным пафосом осуждал “адовы твердыни самодержавия” и принципиально отвергал самодержавие во имя реакционных притязаний князей и бояр на власть. Пересветов и Курбский – это идеологические антагонисты, отражавшие в своей публицистике классовые противоречия между боярством и дворянством»³¹. Это лишь начало долгого рассуждения о загнивании «княжеско-боярского слоя» и одновременном движении дворянства «к вершинам господства» в России XVI в. Рецензенты уловили ряд противоречий, допущенных Зиминим в концепции становления абсолютной монархии. В этом вопросе он расходился с Бахрушиным, считавшим Пересветова защитником абсолютизма, и доказывал, что тот был сторонником сословно-представительной монархии. У Зимина можно обнаружить и высказывания, подтверждающие идеи Бахрушина, и иное построение. За этой двойственностью, на наш взгляд, кроется стремление автора обосновать нестандартную концепцию компромиссного абсолютизма, что было невообразимо в рамках бинарной логики централизации *либо* княжеско-боярского правления, господствовавшей на момент выхода в свет «Пересветова и его современников»³².

²⁹ Зильберман, Малярчик. 1960. С. 165.

³⁰ Там же. С. 167.

³¹ Там же.

³² Зильберман и Малярчик приблизились к концепции Зимина, когда упрекнули его за неверное понимание взглядов А. Фрыч-Моджевского. Они отметили, что его в

А. И. Клибанов, оказавший своими работами влияние на Зимина, посвятил разбору публикации «Сочинений Пересветова» рецензию, в которой также обратился к вопросу о прогрессивных и непрогрессивных мыслителях. Как и Саккетти, Клибанов уловил тенденцию Зимина следовать в русле предположения Ржиги о «вольнодумстве» Пересветова и тоже эту тенденцию оспорил. Впрочем, Клибанов тут же вступил в полемику и с оппонентами Зимина Саккетти и Сальниковым и отметил, что их вывод о религиозной ортодоксальности Пересветова «неубедителен». Свою контраргументацию исследователь построил на противопоставлении Священного Писания – церкви и ортодоксальной религиозности, доказывая, что и в западноевропейских странах, и в России именно несоответствием церковной жизни Писанию было вызвано реформационно-гуманистическое движение. Вывод звучал однозначно в пользу Зимина: «Православие Пересветова не ортодоксальное и направлено к тому «духовному», «внутреннему» христианству, к индивидуализму и рационализму, которые отличали как чешских и немецких реформаторов XV–XVI вв., так и русских стригольников, «жидовствующих», Башкина, Косога»³³. У исследователя нашлись дополнительные аргументы в поддержку концепции Зимина, в их числе идея о возможности «нехристианского христианства» для московских еретиков и Пересветова, но вместе с тем упреком коллеге прозвучало: «К числу прямых ошибок относится, например, помещение Зиминим в ряд передовых мыслителей середины XVI в... Зиновия Отенского!»³⁴.

Зная о рецензии Клибанова, Н. К. Гудзий высказал свои соображения о книге Зимина. Прежде всего, череда похвал, среди которых важная и нетривиальная: «Выдающаяся эрудиция автора, незаурядная его настойчивость и добросовестность в разыскании и привлечении источников и пособий, очень тщательное и внимательное обращение с тем и другим, примерная библиографическая документация текста работы – все это

науке признают выразителем «политических взглядов не всего дворянства, а лишь самой его прогрессивной части», а также бюргерства и крестьян. Во взглядах польского гуманиста подчеркивается утопизм и даже близость к идеалам «Утопии» Т. Мора. Как справедливо отмечают рецензенты, сблизжая концепции Пересветова и Фрыч-Моджевского, Зимин не замечал, что представление о границах верховной власти Фрыч-Моджевского «выглядит далеким от абсолютистских идеалов» (Там же. С. 170).

³³ Клибанов. 1957. С. 206.

³⁴ Там же. С. 205–206. Другие критические ремарки в адрес А. А. Зимина в этой рецензии – он не снабдил текст публикации переводом на русский язык, не привел источниковедческий анализ сочинений Пересветова. Недочеты были восполнены – первый значительно позднее в «Памятниках литературы Древней Руси», второй самим Зиминим в его монографии.

свидетельствует о высокой исследовательской культуре А. А. Зимины...»³⁵. Гудзий поддержал дискуссию о применимости понятий «вольномыслие» и «ересь» к московской общественной жизни середины XVI в. Никакого вольномыслия в трудах Пересветова рецензент не обнаружил. Гудзий называет его «виднейшим идеологом дворянства в эпоху Ивана Грозного» и «апологетом самодержавного Русского государства»³⁶. Рецензент коснулся и зависимости автора от трудов В. Ф. Ржиги – ошибочным он признал постулируемое в его работах и вслед за ним в книге Зимины авторство Повести о Петре и Февронии, а вместе с тем отстаиваемую Зиминым принадлежность тому же автору Повести о Василии Рязанском.

Поддержал концепцию Зимины в основных положениях Л. Н. Пушкикарев. Его рецензия замечательна той осторожностью, с которой обойдены острые углы дискуссий о централизации. Рецензент доказывает, что выбор хронологических рамок работы оправдан и даже «составляет ее достоинство», в чем подразумевалось ограничение верхней границы 1550-ми гг. и невключение опричной тематики, вне которой имя Пересветова звучало очень свежо³⁷. Не прошел Пушкикарев и мимо зависимости концепции Зимины от построений Ржиги – как и в рецензии Гудзия, отмечено необоснованное полное согласие автора с тезисом о Ермолае-Еразме как авторе «Повести о Петре и Февронии». Однако реабилитировал коллегу стройной формулировкой о победоносном вскрытии им «ограниченности и несостоятельности буржуазной историографии»³⁸. Это были формальные похвалы, дань научному вокабуляру. Вскоре точно за то же А. Л. Хорошкевич хвалила монографию А. И. Клибанова.

Оперирование понятием «ересь» вызвало критику и со стороны ближайшего коллеги и друга Зимины – Я. С. Лурье, который назвал «надуманным» утверждение о близости взглядов Пересветова с предпола-

³⁵ Гудзий. 1959. С. 215. Высказаны замечания к структуре работы (диспропорции в выборе сюжетов) и к отдельным противоречивым и ошибочным суждениям (например, о том, был ли А. Ф. Адашев автором «Летописца начала царства»). Рецензия Гудзия была заказана для «Истории СССР» С. О. Шмидтом, поддержавшим концепцию Зимины об отражении в идеях Пересветова реформаторской программы А. Ф. Адашева и его окружения. См.: Шмидт. 1999. С. 48, 145–146.

³⁶ Гудзий. 1959. С. 218.

³⁷ Пушкикарев. 1959. С. 186, далее в примечании цит. со с. 187. В качестве замечания А. А. Зимины замечено, что он напрасно отказался от изучения памятников устного народно-поэтического творчества. Впрочем, сам рецензент признал, что «произведения народного творчества как исторический источник, за ничтожными исключениями, по сути дела, еще не проанализированы». В конце рецензии приведено множество частных, в основном текстологических и структурных, замечаний.

³⁸ Там же. С. 188–189.

гаемым еретичеством кн. С. И. Ряполовского, Патрикеевых и московских «еретиков»-нестяжателей. По мнению Лурье, Ряполовский и Патрикеевы не были близки к еретическому кружку, нестяжательство конца XV в. исследователь назвал «чистейшей историографической легендой», а ересь в «Кормчей» Ивана Волка Курицына – следствием текстологической ошибки³⁹. Кстати, уже во время дискуссии о подлинности «Слова» О. А. Державина преподнесла как общее мнение: «А. А. Зимин, как нам кажется, без достаточных оснований объявляет Пересветова и Афанасия Никитина еретиками»⁴⁰. В своем ответе Зимин назвал приписываемый ему тезис о еретичестве Афанасия Никитина недоразумением. Что же касается Пересветова, то он не был еретиком: «Я писал, что Пересветов разделял все основные положения христианства и только *приближался* к предшественникам реформационного движения»⁴¹. Таким образом, все замечания о неточностях в формулировках были отведены, а дальнейший спор Зимина с концепцией Саккетти лишился смысла.

Вместе с тем Лурье принимал ряд ключевых положений Зимина. Прежде всего, у обоих вызывала несогласие схема, согласно которой публицисты XVI в. делились на два лагеря: консерваторов и сторонников централизации – с одной стороны (Иосиф Волоцкий – митрополит Даниил – Пересветов – Иван Грозный), и передовых, прогрессивных противников централизации – с другой (Нил Сорский – Вассиан Патрикеев – князь Андрей Курбский)⁴². Со ссылкой на коллегу Лурье опровергает причастность Пересветова к той «линии» публицистов, которая связывает Иосифа Волоцкого с Иваном Грозным, и настаивает, что Пересветов, выдвигая свой проект реформ, не имел ничего общего ни с иосифлянами, ни с нестяжателями, но своей критикой рабства приближался к еретикам круга М. Башкина⁴³. Как можно видеть, Лурье не менял точки зрения, высказанной еще издателями «Сочинений Пересветова», и в дискуссии между Зиминим и Саккетти солидаризировался с Зиминим. К нему присоединились А. И. Клибанов, В. И. Корецкий, А. Л. Хорошкевич⁴⁴. Впрочем, в этом месте возникало препятствие на-

³⁹ Лурье. 1959. С. 451–452.

⁴⁰ История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». 2010. С. 383.

⁴¹ Там же. С. 557. Выделено автором.

⁴² Luria. 1960. S. 356–361.

⁴³ Ibid. S. 367–368.

⁴⁴ *Klibanov*. 1958. С. 194–197; *Корецкий*. 1963. С. 350–352. В рецензии на монографию Клибанова в пользу точки зрения на ереси в России, разделяемой Клибановым, Зиминим, Лурье и Н. А. Казаковой, высказалась Хорошкевич. Впрочем, она не согласилась с выводами Клибанова и других коллег о масштабе воздействия ере-

учно-идеологического порядка. По логике Зимина и Лурье, либо следовало признать Пересветова одним из немногих публицистов, одиноким интеллигентом XVI в., либо приписать его к какой-то другой традиции. Но к какой? Тезис о том, что подлинными строителями Российского централизованного государства были совсем не идеологи самодержавия и террора, а близкие к еретикам реформаторы, разрушал стереотипы и ставил под сомнение все тот же концепт централизованного государства. Можно ли было себе представить, что подлинными поборниками православного царства были еретики и их единомышленники? Зимин последовательно отстаивал именно такую точку зрения. В его построении ведущие идеологи едиnodержавного государства в XVI в. – создатель «ядра теории “Москва – третий Рим”» близкий к еретикам митрополит Зосима, создавшие «Чин венчания», «Родство литовских князей» и первоначальную версию «Сказания о князьях владимирских» интеллектуалы из окружения Дмитрия-внука и антиклерикалы, теоретики светского государства Федор Карпов и И. С. Пересветов. Им удалось повлиять на Ивана Грозного, который своим Первым посланием Курбскому признавал, что разрушение грозит царству, «еже от попов владому»⁴⁵. Ортодоксальная православная церковь была лишена веса в становлении идеологии царства, а Иван Грозный в своем противостоянии церкви предстал выучеником еретиков-реформаторов.

Высоко оценивал работу коллеги С. О. Шмидт, неоднократно ссылавшийся на книгу А. А. Зимина в ходе дискуссии. Краткая комплиментарная характеристика «Пересветова и его современников» дана Шмидтом в статье «Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе» (1962)⁴⁶. В своей монографии исследователь ссылается на проект Пересветова как на воплощение позиции Избранной рады, а в идеях публициста, как и Зимин, обнаруживает отсылки к бурным российским событиям 1540-х гг., идеал освобождения воинских людей от холопства, реформы суда, финансов и другие «планы государственных преобразований», обсуждавшиеся в годы Избранной рады («правительства Адашева»). Шмидт принимает образ Пересветова-публициста в трех его «ипостасях»: во-первых, это активный идеолог «правительства компромисса» и сторонник радикальных реформ; во-вторых, он – сто-

сая на русское общество конца XV – первой половины XVI в. и показала, что, в отличие от ряда европейских стран, реформацию в России не поддержали не только крестьянство и буржуазия, но и феодалы: *Хорошкевич*. 1961. С. 199–203.

⁴⁵ *Зимин*. 1963. С. 117.

⁴⁶ *Шмидт*. 1999. С. 47–48.

ронник «абсолютизма, пропитанного азиатским варварством»; в третьих, источниками его взглядов могли, согласно Шмидту, послужить османские тексты или европейские следы их рецепции⁴⁷. В первом концепция Зимина находит поддержку Шмидта, во втором и третьем расходится, так как пересветовская «гроза» в «Становлении российского самодержавства» не сугубо российского происхождения, а его политические идеалы приближены к опричнине и концепции «восточного» или «азиатского» абсолютизма, с чем Зимин все же не соглашался. Общим для Зимина и Шмидта является поиск той интеллектуальной питательной среды, в которой стали возможными реформы первых лет царствования Ивана Грозного. Уже позднее, и на основе новых наблюдений и находок, Шмидт расширил поле поиска и обратился к кругам Максима Грека, Тучковых и Захарьиных, а также к окружению митрополита Макария. Кстати, Пересветов был протеже М. Ю. Захарьина, и нельзя исключать близость самого Пересветова к царице А. Ю. Захарьиной, митрополиту Макарию, Максиму Греку, кн. А. М. Курбскому и др.

За рубежом книга А. А. Зимина была встречена положительно. Исследователи из Великобритании, Румынии, ГДР высоко оценили концепцию, источниковедческий инструментарий и эрудицию московского ученого, его стремление увидеть в своих героях современников европейского гуманизма⁴⁸. Звучала, конечно, и критика. Н. Андреев отметил, что некоторые интерпретации и оценки в монографии А. А. Зимина слишком категоричны, он выразил несогласие с чрезмерным применением в книге терминов «феодальный», «реакционный», «прогрессивный», с модернизацией источников, со стремлением связать Пересветова с «реформационно-гуманистическим движением»⁴⁹. В то время как Э. Винтер приветствовал тему ересей и свободомыслия в России XVI в., Э. Доннерт присоединился к Саккетти, признав недоказанным, что Пересветов проявлял еретичество, вольнодумство или был религиозно-индифферентен. Доннерт связал репрессии против Пересветова не с его религиозными представлениями, а с тем, что программа наступления на юг и юго-восток уступила Ливонскому направлению в российской военной политике⁵⁰.

А. А. Зимин внимательно отнесся к замечаниям рецензентов из СССР и зарубежных коллег. Позднее он неоднократно возвращался к

⁴⁷ Шмидт. 1973. С. 32, 76, 110–111, 176–177, 208, 271–272, 286, 297.

⁴⁸ Portal. 1958. P. 168–169; Andreyev. 1959. P. 532–534; Stökl. 1959. S. 426–430; Winter. 1959. S. 935; Donnert. 1960. S. 408; Bogdan. 1962. P. 212–217.

⁴⁹ Andreyev. 1959. P. 532–533.

⁵⁰ Donnert. 1960. S. 408.

личности и сочинениям И. С. Пересветова⁵¹. Прежде всего, он темпераментно ответил своим критикам А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникову, отстаивая все свои более ранние позиции. Выводы Сальникова о редакторе Музейного списка Зимин отвел как основанные «исключительно на домыслах автора»⁵². Выводы Саккетти о том, что Пересветов пострадал за свою внешнеполитическую программу, Зимин считает ошибочными, поскольку в сочинениях Пересветова нет призыва наступать против владений Турции и Крыма. Не принимает историк и предположение о том, что Магмет-салтан был для челобитчика «тайным сторонником христианства»: сложное построение Саккетти признано избыточным, так как не подтверждается знание Пересветова о том, что мать султана была христианкой⁵³. Впрочем, не так решительно Зимин отвел выводы об ортодоксальности взглядов Пересветова, согласившись, что вопрос нуждается «во всестороннем освещении»⁵⁴. В концепции Саккетти Зимину и его коллегам, прежде всего – Лурье, претил тезис о том, что выдающийся мыслитель XVI в. оказался в ряду царедворцев, «раболепствующих перед Иваном Грозным»⁵⁵. Действительно, ни в ходе дискуссии, ни позднее так и не было высказано убедительных аргументов, которые бы обосновали единство взглядов Ивана IV и Пересветова. Однако Зимин шел дальше и отмечал, что Пересветов, как и другие яркие публицисты, выступали «с критикой современной им действительности и с предложением серьезных общественно-политических реформ»⁵⁶. Понятие «правда» исследователь считал сугубо светским, лишенным религиозной основы и обращенным к политико-правовой культуре Московского царства. За религиозной «правдой», как и за ересями, для историка-марксиста открывались задачи социально-политического реформирования, и в конечном счете – антифеодалная борьба народных масс. В своем обобщающем докладе по проблемам реформационно-гуманистического движения в России, прочитанном в Софии в сентябре 1963 г., Зимин особенно подчеркнул позицию советской историографии в этом вопросе, со ссылкой на работы Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье,

⁵¹ *Зимин*. 1960. С. 639–646; *Зимин*. 1963. С. 91–119; *Зимин*. 1968. Стб. 28–29; *Зимин*. 1976. С. 154–159; *Зимин*. 1978. С. 162–165 (об общественной мысли XIV–XVI вв.); *Зимин*. Русская культура. 1982. С. 504 (о работе А. И. Клибанова 1977 г.), 507 (о работе Л. В. Черепнина 1972 г.).

⁵² *Зимин*. 1976. С. 639–640.

⁵³ Там же. С. 640–641.

⁵⁴ Там же. С. 641.

⁵⁵ Там же. С. 642.

⁵⁶ Там же.

В. И. Корецкого, Л. В. Черепнина, А. И. Клибанова и на свою монографию о Пересветове. Здесь исследователь назвал «крайностями» как тезис Г. Э. Прохазковой о том, что Пересветов боролся «за равенство и свободу всего народа», так и подход А. Л. Саккетти, который не видел «в мировоззрении Пересветова какие-либо следы вольнодумия»⁵⁷. Однако уступка оппоненту все же прозвучала. Как уже говорилось, во время дискуссии о «Слове» Зимин признал, что взгляды Пересветова были не еретическими, а близкими к еретическим.

Позже взгляды Зимина на личность и творчество Пересветова незначительно менялись. Отстаивая свой тезис о неисполнении приговора 1550 г. об испомещении «тысячников», он ссылаясь на то, что начало реформ Избранной рады ознаменовалось многочисленными проектами реформ, как правительственными, так и частными, выдвинутыми публицистами Пересветовым и Ермолаем Еразмом. По мнению Зимина, необходимость в таких проектах показывала, что «далеко не все аспекты преобразований были ясны»⁵⁸. Новое правительство колебалось в выборе курса и нуждалось в обсуждении проблем преобразования и общественной поддержке. Такое понимание причин появления челобитных 1549 г. предполагает, что их составитель был не только глашатаем идей Избранной рады, но и одним из разработчиков правительственного курса. В одной из своих последних работ Зимин видит во взглядах Пересветова целостную «программу реформ» или «проект государственных преобразований», реализуемый «верной думой» царя – подобием Избранной рады Ивана IV. Исследователь не упоминает каких-либо иностранных влияний на Пересветова, а говорит лишь о подобии его проектов сочинениям У. фон Гуттена, Н. Макиавелли, Ж. Бодена. Источник данных сравнений – все то же докторское исследование Зимина, а их направление было задано еще работами Г. В. Плеханова, И. И. Полосина и А. Стендер-Петерсена (на что автор сослался)⁵⁹. Вместе с тем в других разделах книги приведена «восточная» параллель янычар Магмет-салтана со стрельцами «гораздыми огненныя стрелбы», а тех и других с опричниками. Ни Пересветов, ни его современники-интеллектуалы не

⁵⁷ Зимин. 1963. С. 91–92, 94, 108, 110–112, 117, 108. Здесь приведена ссылка на дискуссию Зимина с Саккетти и Сальниковым и упомянута работа: *Procházková*. 1959. S. 42, 47 и др.

⁵⁸ Зимин. 1976. С. 159.

⁵⁹ Зимин, *Хорошикевич*. Россия. 1982. С. 46–49; ср.: Зимин. 1976. С. 433–437. Впрочем, ряд других европейских параллелей, в том числе польских, в книгу 1982 г. не попал. В других, более ранних работах А. А. Зимин также видел параллели в сочинениях И. С. Пересветова и А. Фрыч-Моджевского.

осмеливались «поднять голос против нарождающегося самодержавия, горячо поддерживая идею царской власти»⁶⁰.

Изменились и некоторые источниковедческие гипотезы Зимина. В последние годы жизни он откорректировал свое понимание записи о «черном списке» И. Пересветова и П. Губастого в «Описи Царского архива» (ящик 143) и вернулся к ранее критикуемой им точке зрения о том, что под «черным списком» следует понимать не следственные документы, а скорее все же какие-то литературные тексты конца 1540-х гг., а возможно, «челобитную Пересветова». Свой новый взгляд исследователь подкрепляет ссылкой на статьи А. Данти и И. И. Полосина, тогда как в подтексте этого переосмысления можно обнаружить продолжение дискуссии с Я. С. Лурье⁶¹.

Сегодня, пять десятилетий спустя после выхода в свет книги Зимина, многие поднятые тогда вопросы остаются без ответов. Прежде всего, как отмечалось рецензентами в первых дискуссиях вокруг монографии, концепция противостояния церковных и общественных группировок по ключевым вопросам реформирования церкви и государства немало упрощена и гипотетична. Чтобы обосновать близость мыслителей того времени к какой-либо из «партий», мы обречены переносить с публициста на публициста маркеры идеологических программ. Оппозиция нестяжателей и иосифлян – скорее плод такого перенесения, чем данность источников. Сегодня, когда подорваны основания в тезисе о расхождениях между ранним иосифлянством и нестяжательством и во многих работах сближены митрополит Макарий и протопоп Сильвестр, концепция Зимина не выглядит безупречно⁶². Уже только в виде вопроса на месте бывшего изъяснительного наклонения должен звучать тезис о демократическом и антиклерикальном характере ересей Матвея Башкина, Феодосия Косого, Артемия и Ивана Висковатого. Собственно, концепция доморощенной реформации в России разделялась не одним Зиминим, а была достоянием советской исторической науки, унаследованным еще от науки дореволюционной. Она получила развитие в трудах митрополита Макария (Булгакова) и признана к середине XX в. не только в СССР, но и в исследованиях реформационных движений в Польше и США. По его собственным признаниям, Зимин пришел к российскому Возрождению и российской Реформации во многом благодаря трудам А. И. Клибанова⁶³. Дискуссии продолжаются, но уже невозмож-

⁶⁰ Зимин, Хорошкевич. *Россия*. 1982. С. 121, 155–156.

⁶¹ Государственный архив. 1978. Ч. 1. С. 68; Ч. 2. С. 336–337.

⁶² Емченко. 2002; Шапошник. 2002 и др.

⁶³ Дубровский. 2005. С. 716.

но игнорировать тезис о том, что никто из названных еретиков середины XVI в. не высказал и не признал в своих взглядах ни одной еретической мысли⁶⁴. Придерживался канонического православия и в московский, и в зарубежный периоды своего творчества бывший троице-сергиевский игумен Артемий. И лишь Феодосий то ли создал одно из направлений в литовском антитринитаризме, то ли просто примкнул к литовским арианам или протестантам⁶⁵.

Исследование Зимина показало, что списки сочинений Пересветова, известные с XVII в., восходят к общему протографу и отражают состояние сборника, который был составлен современником Ивана Грозного около 1547–49 гг. и, по мнению историка, воплощал идеи самостоятельного мыслителя, поддержавшего преобразования правительства А. Ф. Адашева⁶⁶. Не все исследователи согласились с текстологическим построением Зимина и его выбором Музейного сборника как основы для публикации. В недавнем переиздании челобитных Пересветова в серии «Памятники литературы Древней Руси» (переиздано в серии «Библиотека литературы Древней Руси») М. Д. Каган-Тарковская, А. А. Алексеев и Я. С. Лурье в основу публикации и перевода положили список БАН 33.7.11, тогда как Музейный список использовали лишь как факультативный⁶⁷. Лурье не снял своих сомнений в отношении времени возникновения сборника и допускал его создание уже в ходе развития рукописной традиции XVII в. Больше внимания к рукописям потребовалось после дискуссии вокруг тезиса о подложности сочинений в сборниках, включающих сочинения Пересветова. Зимин застал начало этой дискуссии и, в целом, не поддержал тезисы скептиков⁶⁸.

Не обойти стороной также спорный вопрос о происхождении И. С. Пересветова. Еще Ю. А. Яворский видел три возможных ответа: «московско-русский дворянин», «уроженец Западной Руси» или же шляхтич, чьи родители «эмигрировали в Литву» из Московского госу-

⁶⁴ Danti. 1964. P. 56ff; Scritti. 1976. P. 27.

⁶⁵ Зимин. 1963. С. 96; Zema. 2005. S. 222–238. Ни «Истины показание» Зиновия Отенского, ни анонимное «Послание многословное» не позволяют сделать вывод о московском происхождении ереси Феодосия. В послании К. Чапличу Шпановскому от 21 марта 1575 г. Курбский замечает, что монах Игнатий и Феодосий Кривой (вероятно – Косой) сблизилась с арианством и проповедуют ереси в духе Меланхтона, Лютера, Цвингли и Кальвина, и то, по мнению магната-мецената, «не так ради ученой, яко зацных для своих паней». См.: *Ерусалимский*. 2009. Т. 2. С. 373–374.

⁶⁶ Зимин. 1958. С. 217–450 passim.

⁶⁷ Библиотека. 2000. Т. 9. С. 555–556.

⁶⁸ Keenan. 1971. Об отношении А. А. Зимина к гиперкритической концепции см.: Waugh. 1995. P. 31, 37, 48, 54.

дарства⁶⁹. Принимая гипотезу Д. И. Иловайского о том, что Пересветов – западнорусский шляхтич на московской службе, мы наталкиваемся на множество вопросов. При этом, несмотря на всю кропотливость, с которой Зимин решал их в пользу концепции Иловайского, не всегда аргументация в пользу этой гипотезы согласуется с доступными материалами. Зимин критикует рассказ Пересветова о своем происхождении от Пересвета и Осляби и считает, что автор не называет Пересвета своим предком, а считает его и Ослябю своими предшественниками. Это возможно, но не исключает версию о московском происхождении Пересветова⁷⁰. В книге Зимина высказано предположение: «Судя по тому, что сочинения его написаны на прекрасном русском языке лишь с некоторыми следами польской лексики, Пересветов происходил из русских земель, захваченных литовскими феодалами»⁷¹. Этот аргумент в выборе между русскими землями Российского и Польско-Литовского государства крайне зыбок. По исследованиям самого Зимина, регионы, в которых в XV–XVII вв. бытовала фамилия «Пересветов», слишком удалены друг от друга и охватывают все три государства, так что предпочтение «западнорусской» версии нельзя считать прочно обоснованным. Кроме того, доказано родство московских Пересветовых с Захарьиными, и в этом свете приезд Ивана под протекцией М. Ю. Захарьина и имущественное оскудение после смерти патрона весьма показательны⁷².

Обратим внимание, монография А. А. Зимина послужила своеобразным мостом между разработками рубежа XIX–XX вв. и исследованиями второй половины XX в., в том числе написанными позднее самим Зиминим. Книга «Пересветов и его современники» конкурирует, прежде всего, с творческим наследием Д. Н. Егорова и В. Ф. Ржиги. Как мне кажется, опровергая тезис о восточных и западных литературных источниках Пересветова, Зимин затрагивает крайне сложные и спорные проблемы межкультурных контактов. Проблематика западных и восточных влияний на Пересветова была развита на рубеже XIX–XX вв., когда Д. Н. Егоров отметил, что идеализация Турции была свойственна европейским авторам эпохи Реформации и Контрреформации⁷³. Сборником концепции европейского и особенно польского влияния был и первый публикатор комплекса сочинений Пересветова В. Ф. Ржига, писавший: «В самом деле, многие мысли нашего публициста не находят

⁶⁹ Яворский. 1908. С. 16.

⁷⁰ Зимин. 1958. С. 301–302.

⁷¹ Там же. С. 301, 312–313.

⁷² Там же. С. 301–308. Ср.: Кузьмин. 2002. С. 5–29.

⁷³ Егоров. 1907. С. 11–13.

себе объяснения ни в предшествующей русской литературе, ни в современном ему русском обществе»⁷⁴. Мысль Ржиги шла по тому пути интерпретации, который был проторен «государственной школой» российской историографии и вел к констатации противоборства в Европе сил монархической власти с феодализмом и почти повсеместного торжества «монархического принципа государственности». Альтернативный путь развития преобладал в Венгрии, Чехии и Польше – он был для всех этих стран чреват анархией и утратой государственной независимости. Опираясь на факт службы Пересветова польскому королю, Ржига рассматривает гипотезу о влиянии реформ 1511–1527 гг. в Польше на российского публициста⁷⁵. И следующим весьма логичным в хронологическом отношении шагом был вывод исследователя о том, что Пересветов оказал влияние на реформы Избранной рады⁷⁶.

Тезисы Ржиги были отчасти поддержаны в советское время, а также в зарубежной историографии. И. И. Полосин констатировал сходство сочинений Пересветова с посланиями князя Курбского, трудами Макиавелли и других авторов, которые могли быть известны Ивану Грозному⁷⁷. Сходства между проектами Пересветова и польского гуманиста Фрыч-Моджевского были обнаружены в известной Зимину диссертации Л. В. Кржеминской⁷⁸. Мысль Ржиги о знакомстве Пересветова с европейскими реформами вызвала согласие у Л. Н. Пушкарева: «Проекты реформ, выдвигавшиеся в то время в Польше, возможно, оказали некоторое влияние на политические проекты Пересветова»⁷⁹. Уже в рецензии на монографию Зимина Г. Штёкль признал, что на взглядах Пересветова сказалось его долгое пребывание в Литве⁸⁰. Вместе с тем нельзя было не согласиться с противником концепции заимствований Зиминным, когда он, положительно в целом оценив направление поисков, отметил, что никаких явных польских, итальянских, греческих или турецких источников сочинений Пересветова так и не было обнаружено⁸¹.

⁷⁴ Ржига. 1911. С. 169–181, то же: Ржига. 1912. С. 1.

⁷⁵ Ржига. 1912. С. 3.

⁷⁶ Ржига. 1908. С. 53.

⁷⁷ Полосин. 1946. С. 50–51.

⁷⁸ Кржеминская. 1952, С. 146, 243; Зимин. 1958. С. 433, 437–439.

⁷⁹ Пушкарев. 1956. С. 70.

⁸⁰ Stöckl. 1959. S. 98.

⁸¹ Зимин. 1958. С. 225–229, 272–288. В издании сочинений Пересветова Зимин оценивает концепции Егорова и Ржиги о западных влияниях резче, чем в более поздней монографии. Говорится, что это «неверное утверждение», и что его необходимо «изжить». Думаю, сделав «скидку» на идеологическую цензуру, эти оценки в главном не противоречат концепции Зимина. См.: Зимин. 1956. С. 6, 9.

А. А. Зимин не был склонен преуменьшать фактор заграничных влияний на российскую общественную мысль, и наоборот, дискутируя с коллегами, признавал влияние Схарии и княгини Елены Стефановны на возникновение ереси «жидовствующих», гуситов на ересь Федора Курицына и мыслителей его круга, польско-литовской реформации на Матиаса Ляха (Матюшку), Андрея Хотеева и Матвея Башкина. В дискуссии об идейных заимствованиях особенно остро был поставлен вопрос в упомянутой статье Штёкля, считавшего идеи Пересветова «отзвуком» литовской реформации⁸². В ответ советский исследователь оспорил категоричность выводов, но полностью их Зимин не опровергал. Более того, в его монографии можно найти высказывания, свидетельствующие об обратном. Когда Зимин обращается к истокам общественных воззрений Пересветова, он прибегает к догадкам о заимствовании им европейского опыта: «На формирование его общественно-политических взглядов сказались и его пребывание в Польше, и знакомство с турецкими порядками во время войны за венгерскую корону»; «Таким образом, находясь в наемных королевских войсках, Пересветов уже задолго до выезда на Русь мог убедиться в их большом значении для укрепления королевской власти. Хозяйничанье придворной камарилли способствовало росту у Пересветова ненависти к “вельможам”»⁸³. Как уже говорилось, критики Зимина и его коллег уловили за ниспровергательной риторикой его бережное обращение с концепцией Ржиги.

Поиск литературных источников сочинений Пересветова продолжился, и на рубеже XX и XXI вв. А. Л. Юрганов, И. Н. Данилевский и А. В. Каравашкин предложили свои ответы на вопрос о «влияниях». Прежде всего, исследователи зафиксировали неясность для современного сознания тех категорий, которые встречаются у Пересветова. Обратившись к диалогу православных и католиков о «вере» и «правде» Сказания о Магмет-салтане, Данилевский и Юрганов анализируют употребление слов «вера» и «правда» в славянской библейской книжности и выдвигают гипотезу о том, что первое из них ассоциировалось с Новым Заветом, а второе – с Ветхим⁸⁴. Категории «вера» и «правда» раскрыты Юргановым в системе средневекового православного мировоззрения, для которого «всяка правда» была условием спасения на Страшном Су-

⁸² Зимин. 1963. С. 96–98.

⁸³ Зимин. 1958. С. 288, 316–317, соответственно. На этом фоне критика в адрес концепции влияния Пересветова на Ивана Грозного, высказанной Ржигой, теряет в убедительности. Ср.: Там же. С. 226.

⁸⁴ Юрганов, Данилевский. 1998. С. 144–170; Юрганов. 1998. С. 35–36.

де, а православная вера – свидетельством верности Богу. «Закон дел» противопоставлен был «закону веры» (Рим. 3:27–28) еще в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона и в такой же дихотомии у Пересветова, «который противопоставляет, соответственно, «веру» и «правду»»⁸⁵. Идеал Ивашки Пересветова был своеобразной православной утопией – недостижимой, поскольку челобитчик в доступных московскому обществу категориях предлагал установить в царстве Ивана IV «гармонию силы со справедливостью»⁸⁶.

Библейско-герменевтическая концепция лишает былого значения идею об отразившемся в сочинениях Пересветова противостоянии сил прогресса и реакции, долгое время служившую фоном для дискуссии о публицистике XVI в., и существенно дополняет направление поисков, хотя и развивает некоторые положения, ранее уже высказывавшиеся, в частности – А. Л. Саккетти. Впрочем, и это направление, требующее вчитывания в библейские источники Пересветова, не устраняет с повестки подходов Д. Н. Егорова и В. Ф. Ржиги и нуждается, на мой взгляд, в поисках не только на материале московской книжности, но и греко-турецкой и европейской⁸⁷.

Рецензенты уже на ранней стадии дискуссии отметили особенность построения Зимина. Исследователь как бы впадал в противоречия, оценивая вклад своих предшественников в изучение проблемы, ему было трудно расстаться с идеями, которые он сам подвергал критическому разбору. Вывести «на чистую воду» работу Зимина не представляло труда. Он едва скрыл от своих читателей почтительное отношение к исследователям, которых полагалось бичевать за ошибки и классовую близорукость. Современникам Зимина было ясно, что его книга – научный палимпсест, успешно прошедший испытание докторской защитой. А вместе с ним не только возвращались в науку забытые имена и точки зрения, но и был брошен вызов господствующей концепции противостояния централизаторов и реакционеров. Согласно новой концепции, развивающей построения С. В. Бахрушина, ни официальные доктрине-

⁸⁵ Юрганов. 1998. С. 104.

⁸⁶ Юрганов. Идеи... 1996. С. 15–28; Юрганов. Идеал... 1996. С. 80–92; Юрганов. 1998. С. 227.

⁸⁷ Европейская образованность Пересветова подчеркивалась в работе: *Danti A.* 1964. Р. 3–64. Еще С. О. Шмидт заметил, что Зимин и другие участники дискуссии об идеях Пересветова не учли параллелей между проектами Пересветова и турецкими реалиями, обнаруженных А. Е. Крымским и В. А. Гордлевским: *Шмидт.* 1973. С. 271–272. Перспективы сопоставления взглядов Пересветова с турецкими реалиями XV – первой половины XVI в. показаны в статье: *Розалиева.* 1990. С. 212–221.

ры, ни еретики в годы реформ Избранной рады не были противниками централизации, а лишь отстаивали ее различное понимание.

Ориентиром в этом выводе служила все та же «централизация», однако нельзя не задуматься, что оставалось от идеала, если его по своему преследовали едва ли не все герои монографии. На этом фоне удивительная метаморфоза наметилась в дискуссии по монографии. А. Л. Саккетти, Ю. Ф. Сальников, Н. К. Гудзий, И. Б. Зильберман и Я. Малярчик отказывали Пересветову в еретичестве и самобытности, но смотрели на него как на сторонника дворянской централизации. Критика была направлена в стертый слой палимпсеста, поскольку в книге нетрудно было найти правоверные высказывания о дворянском централизаторско-монархическом идеале Пересветова⁸⁸. Только во второй рецензии Саккетти иначе заострил критику, отметив, что реформационные ереси вели к укреплению феодальной раздробленности. Это было предложение Зимину принять точку зрения оппонента, чтобы его концепция открыто не противоречила идеологическим инструкциям. Критика в адрес Зимина звучала жестко и доходила до полного отрицания его основных тезисов, однако она ни разу не перешла грани, которая отделяла академическое побоище от идеологической выволочки. Вплотную приближаясь к этой грани, никто из читателей «Сочинений Пересветова» и «Пересветова и его современников» не позволил себе провести прямых аналогий концепции Зимина с построениями «буржуазных» и «белоэмигрантских» историков. Этого счастья Зимину предстояло лишиться несколькими годами позже, в дискуссии по «Слову».

Определились и «друзья», которые, не во всем соглашаясь с Зиминим, открыто демонстрировали научному сообществу, что говорят с ним на «одном языке». Л. Н. Пушкарев в своей рецензии обозначил – обозначил, чтобы обойти стороной – вопрос о связи между проектами публицистов из монографии Зимина с «новыми формами государственной и общественной жизни» в 1560-е и 1570-е гг. Н. К. Гудзий отмечал, что исследование Зимина может служить образцом для коллег. А. И. Клибанов поддержал Зимина и доказывал, что даже цитирование Священного Писания не избавляло вольнодумца от угрозы быть обвиненным в ереси, однако для Клибанова неприемлем был тезис о прогрессивности «клерикала» Зиновия Отенского. И чтобы не касаться темы централизации Клибанов оставляет свое замечание в виде одинокого возмущения и уходит от темы политических реформ к вопросу о религиозном конформизме Пересветова. И Зимин, и Клибанов своими моно-

⁸⁸ Например: *Зимин А. А.* 1958. С. 348.

графиями о российском вольнодумстве XVI в. нарушали историографический канон и если не лишали почвы, то по меньшей мере подкапывались под официальную концепцию прогресса.

Требуется, конечно, дополнительная работа, с привлечением материалов из личного фонда А. А. Зимина, чтобы понять, насколько он понимал, как его «слово отзовется». В любом случае после выхода книги и докторской защиты для него открылись перспективы дальнейшей дискуссии, пришло научное признание, появилась готовность к новым прорывам. Выступления оппонентов на защите звучали академично и комплиментарно. Защита прошла блестяще. Впервые за многие годы раздались приветливые голоса западных рецензентов на работу советского русиста-медиевиста. Причем и в СССР, и за его пределами работа была оценена по достоинству специалистами в различных научных областях: историками, филологами, правоведами. Он сам уже во время дискуссии о подлинности «Слова» говорил, что работая над «Пересветовым и его современниками», приобрел междисциплинарный опыт. Отрицать это было невозможно, и слова о его непрофессионализме в литературоведении и лингвистике вызвали в нем законный протест: «Здесь некоторые коллеги говорили, что я не являюсь специалистом по «Слову», что якобы я историк, а не литературовед, хотя присутствующим известно, что моя докторская диссертация о Пересветове была как бы на стыке этих двух наук»⁸⁹. Конечно, образ А. А. Зимина-«ересиарха», неконформиста, борца за научную свободу определится позже. Однако уже монография «Пересветов и его современники» показывала, что в ее авторе исследовательская добросовестность сочетается с решительностью и смелостью в конструировании гипотез. Можно предположить, что «поздний Зимин», увлеченный историческими альтернативами и вариативностью интерпретаций, выразил более открыто, хотя и в основном «в стол», поиски и наклонности «раннего Зимина»⁹⁰.

Критика в адрес Зимина как с точки зрения сторонников концепции заимствований европейских и турецких реалий в проектах Пересветова, так и с позиций библейской герменевтики, потребует, повторю, немалых усилий и немалого смирения от самих критиков. Им на каж-

⁸⁹ Материалы. 2010. С. 509.

⁹⁰ Вероятно, А. А. Зимин второй половины 60-х – 70-х гг. не согласился бы с таким выводом. В то время, по воспоминаниям С. М. Каштанова, он «неоднократно говаривал то ли в шутку, то ли всерьез, что все, написанное им до “Слова”, ничего не стоит, что как исследователь он родился только со “Словом”». Впрочем, Каштанов тут же отметил, что в этих суждениях Зимин «был несправедлив к себе» (*Каштанов*. 2000. С. 10, см. также с. 27–28).

дом шагу придется останавливаться, чтобы воздавать должное монографии «Пересветов и его современники». Критика в адрес избыточно-социологической и избыточно-почвеннической интерпретаций общественной мысли упирается в тот факт, что в ряде вопросов мы вправе лишь подчеркнуть гипотетический характер суждений автора, и из этого с неизбежностью следует, что иные сценарии не отменяют его гипотез, а выстраиваются рядом с ними. Огромный пласт новых источников и их тщательная обработка в книге Зимина воскресили лучшие традиции российской историко-филологической науки, вернули истории общественной мысли XVI в. ее дореволюционную проблематику, заострили ее классовым и сравнительно-историческим подходами, и послужили стартом для дискуссий, многие из которых длятся до сих пор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М., 2005.
- Бахрушин С. В., Зимин А. А.* Правительство компромисса и реформы 50-х годов XVI в. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV–XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М., 1955.
- Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.
- Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста, коммент. А. А. Зимина; под ред., предисл. Л.В. Черепнина; Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1978. Ч. 1, 2.
- Гудзий Н. К.* [Рец.] // История СССР. 1959. № 1. – Рец. на кн.: *Зимин А. А.* 1958.
- Дубровский А. М.* Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-е – 1950-е гг.). Брянск, 2005.
- Дубровский С. М.* Против идеализации деятельности Ивана IV // ВИ. 1956. № 8.
- Егоров Д. Н.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. 1907. Кн. 7. Разд. 13.
- Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.
- Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1, 2.
- Зильберман И. Б., Мальярчик Я.* [Рец.] // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 1. – Рец. на кн.: *Зимин А. А.* 1958.
- Зимин А. А.* Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3.
- Зимин А. А. И. С.* Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1955. Вып. 3.
- Зимин А. А.* Пересветов, Иван Семенович // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 32.
- Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его сочинения // Сочинения И. Пересветова / Подг. А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

- Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
- Зимин А. А.* Русская публицистика конца XV–XVI в.: Учеб. пособие по источниковедению ист. СССР / отв. ред. А.Ц. Мерзон. М., 1959 (стеклограф).
- Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.
- Зимин А. А.* К изучению взглядов И. С. Пересветова // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.
- Зимин А. А.* Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина // Науч. докл. высш. шк.: Ист. науки. 1961. № 2.
- Зимин А. А.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV–XVI вв. // История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. сов. делегации / V Междунар. съезд славистов (София, сент. 1963). М., 1963.
- Зимин А. А.* Пересветов, Иван Семенович // СИЭ. М., 1968. Т. 11.
- Зимин А. А.* К изучению реформ «Избранной рады» // История СССР. 1976. № 4.
- Зимин А. А.* Русская культура и общественная мысль в советской историографии / А. А. Зимин, А. И. Клибанов, Я. Н. Щапов, Г. И. Щетинина // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2.
- Зимин А. А.* Русская культура и общественная мысль в советской историографии / А. А. Зимин, А. И. Клибанов, Я. Н. Щапов, Г. И. Щетинина // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982.
- Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времен Ивана Грозного. М., 1982.
- Каишанов С. М.* Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М., 2000.
- Каишанов С. М., Чернобаев А. А.* Александр Александрович Зимин // Историки России. Биографии. М., 2001.
- Кизеветтер А. А.* Иван Пересветов // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатилетия его научно-публицистической деятельности. 30 января, 1890–1925. Прага, 1925.
- Клибанов А. И.* [Рец.] // История СССР. 1957. № 3. Рец. на кн.: Сочинения И. Пересветова / Подг. А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956.
- Кобрин В. Б.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982.
- Корецкий В. И.* Христологические споры в России (середина XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1963. Т. 11.
- Кржеминская Л. В.* Передовая польская публицистика XVI в. как исторический источник для изучения социальных отношений. Л., 1952.
- Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. ст. в 2-х т. Т. 2. История, этнография, искусствоведение. Тула, 2002.
- Курмачева М. Д.* Об оценке деятельности Ивана Грозного // ВИ. 1956. № 9.
- Лурье Я. С.* Рец. на кн.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники... // Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. 1959. Т. 18. Вып. 5.
- Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989.

- Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010.
- Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1995. Т. 3.
- Муравьев В. А.* Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000.
- Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
- Полосин И. И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, кафедра истории СССР. М., 1946. Т. 35. Вып. 2.
- Пушкарев Л. Н. И.* Пересветов и его связи с русской литературной традицией // Сочинения И. Пересветова. 1956 / Подг. А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Пушкарев Л. Н.* [Рец.] // Вопросы истории. 1959. № 4. – Рец. на кн.: *Зимин А. А.* 1958.
- Ржига В. Ф.* Пересветов, публицист XVI в. // ЧИОИДР. 1908. Кн. 1.
- Ржига В. Ф. И. С.* Пересветов и западная культурно-историческая среда. СПб., 1912.
- Розалиева Н. Ю.* Османские реалии и российские проблемы в «Сказании о Магмете-салтане» и других сочинениях И. С. Пересветова // Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Саккетти А. Л.* [Рец.] // Советское государство и право. 1948. № 3. – Рец. на кн.: *Будовниц И. У.* 1947.
- Саккетти А. Л.* Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1951. Вып. 1.
- Саккетти А. Л.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1.
- Саккетти А. Л.* Из истории русского права. А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Изд-во АН СССР, М., 1958, 498 стр. // Вестник Московского университета. Серия экономики, философии, права. 1959. № 3.
- Сальников Ю. Ф.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30-50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958.
- Сочинения И. Пересветова / Подг. А. А. Зимин; под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Хорошкевич А. Л.* [Рец.] // История СССР. 1961. № 4. С. 199–203. – Рец. на кн.: *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
- Хорошкевич А. Л.* Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // *Зимин А. А.* Опричнина. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.
- Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е гг. XVI века. СПб., 2002.
- Шевяков В. Н.* К вопросу об опричнине при Иване Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9.
- Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.
- Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999.
- Юрганов А. Л.* Идеи И. С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. 1996. № 2.
- Юрганов А. Л.* Идеал Ивашки Пересветова // Знание – сила. 1996. № 6.

- Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- Юрганов А. Л., Данилевский И. Н.* «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. Культурная история социального. 1997. М., 1998.
- Яворский Ю. А.* К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. Киев, 1908.
- Bogdan D. P.* [Rec.] // Analele Romino-Sovietice: Ser. Istorie. 1961. № 1. – Rec. ad op.: *Зимин А. А.* 1958.
- Danti A.* Ivan Peresvetov – Osservazioni e proposte // Ricerche Slavistiche. 1964. Vol. 12.
- Donnert E.* Das gesellschaftliche und politische Denken in Russland um die Mitte des 16. Jh. Zum Erscheinen des Buches von A. Zimin, Ivan Peresvetov und seine Zeitgenossen // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960. Bd. 4.
- Keenan E. L.* The Kurbskii – Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / with an appendix by D.C. Waugh. Cambridge, Mass., 1971.
- Klibanov A. I.* Questions de l'histoire de la pensée sociale russe // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5 (11).
- Luria J. S.* Das Problem der ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des 15. und in der ersten Hälfte des 16. Jh. // Zeitschrift für Slawistik. 1960. Bd. 5. H. 3.
- Panaïtescu P. P.* [Rec.] // Studii: Revista de istorie. 1962. An. 15. № 1. – Rec. ad op.: *Зимин А. А.* 1958.
- Portal R.* Histoire politique, sociale et économique // Revue des études slaves. 1958. T. 35.
- Procházková H.* Po stopách dávného přátelství. Praha, 1959.
- Scritti politici di Ivan Semënovic Peresvetov / A cura di G. Maniscalco Basile. Milano, 1976.
- Stökl G.* Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1959. Bd. 7. H. 4.
- Waugh D. C. A. A.* Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985.
- Waugh D. C.* Correspondence concerning the “Correspondence” // Harvard Ukrainian Studies. Камень краєугльнь. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Cambridge, 1995. Vol. 19.
- Winter E.* Zur Geschichte der Religion und des Ateismus // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1959. Jg. 7. H. 4.
- Zeta W.* Reformacja w Europie Środkowej i Wschodniej i herezja Feodosija Kosoja: sprostowanie mitu historiograficznego // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok (3) 2005.

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета; kerusalimski@mail.ru